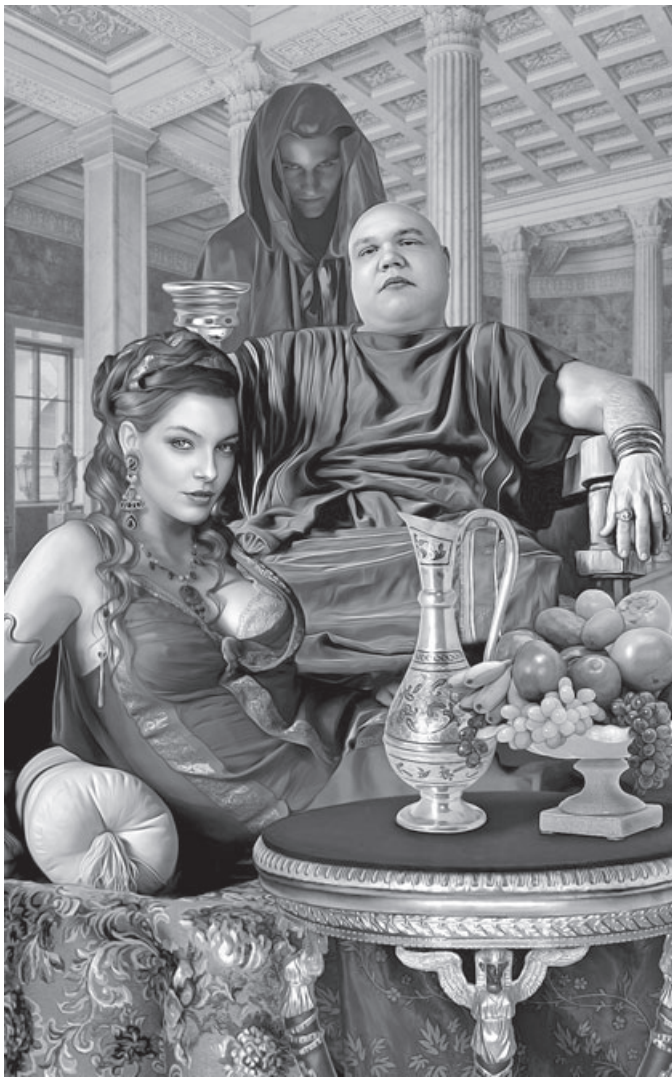

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Владимира Привалова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Цикл
«ХОЗЯИН ГОР»

ПОЧЕТНЫЙ ПЛЕННИК
КРОВЬ ДАНОВ
ВАЖНОЕ ВРЕМЯ

ГЛАВА 1

Олтер

Любопытная сорока, нарядная воровка в бархатисто-черном фраке и белом жилете, скакала по краю пустынного плаца. Шум из распахнутых дверей и окон трапезной несколько ее не пугал. Хитрюга останавливалась, крутила головой, ворошила длинным клювом кучи опавшей листвы. Знает, что сейчас ей ничего не угрожает, и пользуется тем, что неутомимые ученики заняты важным делом. Что может быть важнее полдника? Учащиеся Атрианской школы стучали ложками, черпая зернистый творог в жирных сливках, — грызя гранит знаний, сытым не станешь.

Для горского мальчика, сына правителя горной страны Дорчариан, эта история началась именно с сороки. Нет, не с этой, имперской, а с другой, той, что жила далеко отсюда, на заповедном лугу подле родовой горы. Когда братья-близнецы Олтер и Ултер прибыли к Матери Предков, то мнимые сокровища местной сороки, якобы спрятанные в гнезде, поманили младшего брата. А старший не удержал от шалости, не отговорил смельчака, а еще и подзуживал. Вот тот и решился покорить отвесную скалу, чтобы добраться до гнезда и проверить — нет ли там имперского золотого.

Тогда-то это и произошло. Мы упали одновременно. Я сорвался со скалы в своем мире, а мальчик — в своем. И мое взрослое сознание вселилось в детское тело. Дядька Остах считал, что таким необычным образом Мать Предков уберегла своего непутевого родича от гибели. После падения я долго провалялся в горячке, а когда очнулся, то обнаружил, что не могу ходить. Диду Гимтар решил объявить меня наследником и отправить в имперскую школу. Так я стал Олтером, Стар-

шим. А мой брат — Ултером, Младшим. До сих пор не знаю, чего в этом решении было больше — желания удалить калеку или надежды на исцеление в Атриане.

Хваленая имперская медицина не помогла, а вот удивительные способности Туммы, личного массажиста заместника Сивена Гриси и его жены Элсы Эттик, пробудили в теле внутренние силы. Темнокожий гигант исцелил меня, и теперь я в школе, а на дворе стоит не по-осеннему жаркий первый учебный день в малой школе.

— Ты должен придумать, что нам делать, — негромко сказал Бареан.

Приятель глядел требовательно и серьезно, как смотрят на взрослого, который непременно знает правильный ответ.

А я не знаю! Не знаю, загрызи меня клибб! Откуда мне может быть известно, где в этой клятой малой школе карцер? Точнее — комната наказаний. Между прочим, я тоже здесь только первый день!

Сорока почуяла мой интерес, и ей он пришелся не по нраву. Птица сверкнула блестящим глазом, качнула хвостом, махнула крылом — и была такова. Я отвернулся от окна и посмотрел на приятелей.

— Нельзя бросать друга в беде. Мы должны помочь, — вновь продолжил Бареан. Юркхи и Кольша согласно закивали.

Вокруг стоял гомон, резкие выкрики, взрывы смеха, раздавались стук ложек, скрип столов, шум отодвигаемых скамей, топот сандалий. Неудивительно — если загнать под одну крышу полторы сотни разновозрастных детей, то многоголосие станет таким, что впору уши затыкать.

Внутренний распорядок малой школы устроен так, что нас, первогодков, опекают особо. Учимся мы в своем корпусе, занимаемся на открытом воздухе на отдельной площадке, живем в отдельных помещениях. Единственное место, где мы пересекаемся со старшими школьниками, — это трапезная. Но и здесь о нас позаботились: перwokлашки сидят наособицу, в углу на небольшом возвышении. Мы с друзьями занимаем ближний к окну стол. Мы — это я, Фиддал, Бареан, Юркхи, Кольша и Булгуня. Место Булгуни сейчас пусто, а Бареан придумывает, как передать другу полдник, которого его незаслуженно лишили.

И откуда этот Бареан, такой правильный, взялся на мою голову? Меня, конечно, возмутила несправедливость коменданта. Как-то он слишком резко взъелся на толстяка Булгуню. Но возмущение было мимолетным. Я целыми днями как безумный думал только об одном: о возможном грядущем нападении Империи на Дорчариан. Это стало каким-то наваждением. В ночных кошмарах воины Фракса Хмутра врываются в дома, вытаскивали жителей долины во двор, жгли и убивали. Мало этих навязчивых, тяжелых мыслей о войне — еще и Тумма подбросил хвороста в костерок. Темнокожий лекарь вспомнил все, что знал о дваждырожденных, и наемни поделился своими знаниями.

По сравнению с моими бедами наш пухлый друг, сидящий взаперти в комнате наказаний, казался счастливчиком. Ну не вызывал он у меня острого желанья помочь! Велика беда — поголодает немного! Ему же только на пользу пойдет! К ужину-то все равно выпустят!

Но Бареан считал иначе. У него все просто: товарищ наказан несправедливо, ему нужно помочь. И точка. А как помочь? Очень легко: прокрасться к двери, шепнуть одобрительные слова и попробовать передать полдник. Я хмыкнул и покосился на тарелку с творогом и изюмом. С другой стороны — Бареан прав. Кругом прав, и злиться нужно не на него, а на себя. Хороший из меня друг получается! Бедняга Булгуня ни за что ни про что кукует в карцере, а я и ухом не веду! В конце концов, парню всего лишь десять лет! И он наш товарищ!

— Спасибо, Боря, — вырвалось у меня, и я хлопнул приятеля по плечу.

— За что? — не понял Бареан.

— За то, что ты такой... преданный, — помялся я.

— Нужно держаться друг за друга, — пожал плечами Бареан. — И выручать. Для них мы чужаки, дикари.

В этом месте Фиддал потупился и сделал вид, что не услышал окончания фразы.

«Ты прав, друг мой, абсолютно прав. И у тебя очень взрослые мысли и взрослый взгляд для твоих лет. Что же ты успел пережить такого, что быстро вырос?»

— Ты так храбро держался перед наместником! — выкрикнул Юрка. — Ты храбрый, Олтер, ты обязательно придумаешь, что делать!

— Ага, — поддержал Колька. — Так здорово отвечал наставнику — я бы никогда так не смог!

— Храбрый и умный — не одно и то же, — отмахнулся я. — Первым делом нужно понять, где искать эту комнату наказаний? Кто-нибудь знает, где она?

— У нас, в нашем корпусе, — ответил Кольша. — В малой школе.

— С чего так решил? — спросил я.

— Так ты же не видел ничего! — прихлопнул ладонью по столу Барен.

— Конечно, не видел. Ко мне как раз Хак прицепился. Мол, неправильно ноги ставлю, когда дротик метаю. А в это время все и закрутилось...

— Слушай! Занятие кончилось. И что получилось? А вышло, что наш Булгуня уделал имперцев! Как ни крути — утер нос выскочкам! Хоть они и потешались над ним!

— Он и вправду лучше...

— Не лучше. Нечестно он выступил, — насупился Юрхи.

— Честно-нечестно, а по правилам коменданта все засчитали! — не согласился Барен. — Так вот, Хак Стурр на тебя отвлекся, а эти, рыжие, не смогли стерпеть. И стали над Булгуней подшучивать.

Булгуня и в самом деле очень необычно выступил в состязании. Но при этом умудрился и правил не нарушить. Я заново прокрутил в голове соревнование, которое только что закончилось.

— Вот мишень, — махнул рукой в сторону большого деревянного щита Хак Стурр, наш комендант и учитель. — Вот оружие, — указал он на гору разнообразного оружия и амуниции. Чего там только не было! — Можно выбрать все что угодно, главное — попасть в щит. Поразить цель. Заступать за линию запрещено. Выходим по одному по моей команде. Кто промахнулся или заступил за линию — отходят в сторону, чтобы не мешать остальным.

Хак Стурр — не старый еще мужчина. Подстрижен по-военному коротко, в волосах посверкивает седина. Длинные руки, небольшая тяжесть в талии, чуть кривоватые ноги прочно стоят на земле. Громкий уверенный голос разносится по плацу.

Комендант привык разговаривать громко и говорить так, чтобы его слушали.

Щит стоял недалеко, всего метрах в десяти. Поэтому попали все: мишень-то немаленькая, высотой с взрослого человека. Все металы короткий дротик.

Помощник Хака отодвинул щит дальше. Стало сложнее. Идти первым выпало мне. Я остановился перед грудой оружия — мечи, топоры, кинжалы, какие-то сети и веревки, длинные пики и копья, дротики, трезубцы... Даже нечто вроде бронзового боло увидел. Все оружие — уменьшенного размера, сделано специально для малой школы. Но оно такое разномастное... Казалось, нерадивые слуги притащили из оружейной все, что там хранилось, и без разбору вывалили на поляне. Я взял в руку метательный топорик, взвесил в руке. Положил назад — непривычно. Перебрал несколько ножей, поднял со стола лук с натянутой тетивой, но тут же положил обратно на стол. Слишком специфичное оружие, без подготовки нечего и пытаться. Только недругов смешить. А в недругах недостатка не наблюдалось.

Милиар, ждущий состязаний во время осенних празднеств Пагота, чтобы прилюдно вколотить меня в песок арены. Гвинд и Дирг, решившие, что еще не до конца рассчитались за свои фингалы. И еще один незнакомец. В дверях я столкнулся с темноволосым сутулым одноклассником, и он отпрыгнул от меня, как от прокаженного. Брюнет искоса глянул в мою сторону, и на меня плеснуло злобой и ненавистью. А ведь я ему ничего не сделал!

Я вновь выбрал короткий дротик: от добра добра не ищут. Хорошо сбалансированный, он удобно ложился в руку. Главное — не заступить за черту, покрашенную белой известью по гладкой брусчатке плаца. Я хорошенько разбежался и с выдохом метнул снаряд. Есть! Коротко свистнув, дротик со звонким стуком отскочил от деревянного щита. Приятели за спиной одобрительно зашумели. Недаром опытный Хак Стурр перед соревнованием немного погонял нас по плацу, заставив разогреться. А то можно и мышцу потянуть!

Вслед за мной многие вновь выбрали дротик. Комендант с помощниками внимательно смотрели за происходящим, никак не вмешиваясь в выбор оружия и изредка переговариваясь.

Они резко обрывали крикунов, шумящих под руку, и не засчитывали попытку с заступом линии. Из имперцев круг уверенно прошли Милиар, Дирг, Гвинд, злобный угрюмый темноволосый парень и трое подпевал, чьих имен я не знал. Фиддал промазал и расстроился, отойдя к тем, кто не прошел испытание. Кольша также предпочел дротик и поразил цель. Мастерский бросок он провел играючи.

Первым удивил Юрка, который оставил дротик в стороне. Он взвесил в руке лук, натянул тетиву и положил обратно. Нагнулся и достал из-под стола другой лук, короткий и фигурный. Приятель довольно поцокал языком и покачал головой. Комендант что-то сказал помощнику, а тот кивнул в ответ. Стрелы Юрки долго не выбирал: взял первую попавшуюся под руку. Подошел к черте, поднял лук, выстрелил — и стрела завибрировала в середине щита! От одобрительного возгласа не удержались даже некоторые из местных.

— Ты где так наловчился? — шепнул я подошедшему приятелю.

— У нас в степях без лука не прожить. А я — сын хана! Меня учили! — гордо ответил юный степняк.

Следующим вышел Бареан. И тоже удивил многих. Из кучи веревок, сетей и непонятого тряпья выудил кожаный ремень. Раскрутил, пару раз хлопнул в воздухе. Достал короткий свинцовый снаряд, вложил в расширение посередине. Двигался парень уверенно, расчетливо: сразу понятно, что делает это не в первый раз. Раскручивать пращу над головой Боря не стал, а размахнулся, отпустил один конец... Праща хлопнула, снаряд вылетел и звонко ударился рядом с торчащей стрелой. Мы с приятелями радостно закричали.

Но больше всех удивил наш Булгуня. Он потоптался у стола с оружием, обошел кругом. Вытащил обыкновенный короткий деревянный прут — и что он там делал, посреди оружия? Взял ножик, заточил один край. Заинтересовались все, даже комендант с помощниками приблизились.

Затем Булгуня подошел к краю плаца, где росла полудикая яблонька, и выбрал из травы мелкое зеленое яблочко. Приблизился к черте, наколол яблоко на острый конец прута, размахнулся и резким взмахом отправил яблоко в полет. Оно разлетелось, врезавшись в щит, и запачкала доски влажной мякотью.

Поднялся неодобрительный гул со стороны имперцев, но Хак строго прикрикнул: «Засчитано!», и раздосадованные зрители тотчас замолчали.

— Как все, уже неинтересно метать, — шепотом признался смущенный Булгуня.

На следующем круге я чудом сумел докинуть дротик и попасть в самый край мишени. Щит стоял далековато. Гордые имперцы все как один взялись за дротики: ими мастерски владели дорожники, и потому эти метательные снаряды входили в негласный набор оружия, которым неплохо бы уметь владеть имперскому воину. Попасть в цель смог только Милиар. Из наших испытание прошли все — Юрки уверенно отправил стрелу в полет, пращник Боря запустил снаряд, а Булгуня с веселой улыбкой зашвырнул еще одно яблоко под недовольный гул имперцев. Кольша назло имперцам точнехонько метнул свой дротик.

Когда помощники оттащили щит еще дальше, я понял, что промажу. Поэтому выбрал обычный булыжник, но все равно не попал — камень просвистел совсем близко и запрыгал по брусчатке плаца, звонко цокая. Я подошел к Фиддалу и улыбнулся.

— Будем тренироваться, — ткнул я его пальцем под ребра.

Сын купца уже перестал расстраиваться по поводу собственной неудачи и азартно следил за соревнованиями.

— Федя, ты не знаешь, кто это вон тот, темненький? — Я незаметно указал на злобного темноволосого незнакомца.

— Не-а, — на миг отвлекшись от состязаний, ответил Федя. — Но могу узнать.

— Узнай, — кивнул я. — В дружки не набивайся, а так. Послушай, поспрашивай осторожно.

Фиддал рассеянно кивнул, наблюдая за следующим участником.

— Будем спорить, кто выиграет? — с улыбкой спросил я.

— Мне отец запрещает на деньги спорить, — вздохнул Фиддал.

— Зачем на деньги? Давай на щелбан? — предложил я. — Я за Борю!

— Ха! — крикнул довольный Фиддал. — Я за Юрку!

— Дураки вы оба, — раздалось сбоку. Это кривил губы Гвинд, старший племянничек Сивена. — Милиар ваших дружков за пояс заткнет.

Федя отвернулся, предпочитая не спорить, а я только презрительно посмотрел на Грису.

Пришел черед Булгуни, и он отправился к траве искать яблоко. Среди имперцев вновь поднялся шум, но Хак показал кулак, и все тотчас умолкли. Теперь наш друг уже не улыбался. Он для пробы пару раз медленно отрепетировал взмах прутом, целя наколотым яблочком строго в центр щита. Короткий взмах, свист и чавканье разлетающегося яблока. Радостный Булгуня подпрыгнул на месте.

— Молодчина! — крикнул я.

Барееан вновь не стал раскручивать пращу. Может, не умеет? Как бы то ни было, праща хлопнула, а свинцовый снаряд отщепил кусок от деревянной доски.

— Здорово! — заорал Фиддал.

А вот Милиар перенервничал. Он остался единственным из имперцев и не мог позволить себе проиграть каким-то дикарям. Здоровяк переступил черту, а дротик все равно не долетел до мишени. После него пришел черед Кольши. Жилистый и юркий, по сравнению с тяжелоатлетом Милиаром он выглядел мелким. Уж если крепыш Милиар не сумел докинуть — то куда уж дикаренку! В толпе имперцев раздалась смешки. Наш приятель взял в руки дротик, коротко пробежался и, по-особому извернувшись плечами, кинул. Попал!

— Заступ, — раздался громкий голос коменданта, обрывая поздравления.

Кольша расстроился и двинулся к нам.

— Ты все равно молодец, Колька! — прошептал я и шлепнул приятеля по спине. — Все увидели, как ты этого перекормленного бычка уделал!

— Ага, все видели, — согласился Фиддал и подмигнул.

Кольша заметно повеселел.

У Юркхи с нервами было все в полном порядке. Стоило нашему смуглому живчику взять в руки лук, как он разом преобразился, становясь отстраненным и невозмутимым. Степняк поднял лук с наложенной тетивой и выпустил стрелу. Такое

впечатление, что он и не целился вовсе! Но стрела клюнула доски щита и отскочила. Попал!

— Эти дикари из степи сначала из лука стрелять учатся, а потом ходить, — разобрал я голос Милиара. Раздались смешки, и Милиар добавил: — Все у них не как у людей.

Итак, остались только Булгуния, Бареан и Юркхи. И ни одного местного, только мы, «почетные ученики»! Вот так, знай наших! Щит оттащили на край плаца, прислонив к стене навеса. Дальше отодвигать некуда! Выступить первым черед выпал Булгуне. Тот уже приготовился, сжимая в кулаке очередное яблоко. Он наколол его, отставил ногу назад, подшагнул, взмахивая рукой... И прут вдруг переломился, полетев с наколотым яблоком вперед. Большинство зрителей злорадно засмеялись и засвистели. Но раскрасневшийся Булгуния их не слышал. Улыбаясь, он приблизился.

— Видали, какую я штуку придумал! — хохотнул он. — Мы так дома играли, по уткам кидали.

— Неужели сбивали? — недоверчиво спросил Кольша.

— А то! — хмыкнул Булгуния. — Главное — к камышам поближе подобраться и шугануть. Только мы глиняными шариками обожженными кидались. Утки крыльями хлопают, взрослые их тупыми стрелами бьют, а мы — так, играемся...

— Здорово получилось! У коменданта аж лицо вытянулось, как ты за яблоками пошел, — хихикнул Фиддал.

— Все же по правилам, — ответил Булгуния. — Я правила всегда внимательно слушаю.

Вокруг зашикали. Пришел черед Бареана. Зря я про него плохо думал! Прекрасно он умеет пращу раскручивать! Пару-тройку раз свистнув своим оружием над головой, он отпустил конец. Праща хлопнула, вылетел снаряд и вновь выдрал светлый кусок древесины из щита!

— Ха! — крикнул я Фиддалу. — Готовь лоб!

— Сам готовь, — огрызнулся сосед, потирая бровь.

В движениях Юркхи ничего не изменилось. Он также подошел к белой линии, встал у нее, поднял лук, отпустил тетиву и попал стрелой в цель! Вот это глазомер! Прирожденный лучник!

— Отлично! — хлопнул в ладоши Хак Стурр. — У нас два победителя. Порядком меня удивили. Занятие окончено, сейчас пойдем на полдник.

Все зашумели, переговариваясь и обмениваясь впечатлениями.

— Ты, — ткнул в меня пальцем комендант, — подойди.

Я приблизился.

— Неплохо двигаешься, но неправильно ставишь ноги в конце. Смотри...

Он показал, как правильно доворачивать ступню в момент броска. Вдруг раздались громкие возгласы, и мы обернулись. Раскрасневшийся Булгуня со сжатыми кулаками несся на братьев Грисов.

— Назад! — гаркнул комендант, направляясь в сторону драки. — Как звать? — подошел он к моему товарищу.

— Булгуня, — просипел тот.

— За нарушение дисциплины марш в комнату наказаний, — тоном, не терпящим возражений, громко сказал комендант.

— Но они первые... — набычился Булгуня.

— Немедленно! — отрезал Хак Стурр. — И остаешься без полдника.

Комендант указал пальцем перед собой, и Булгуня покорно зашагал вперед. Они двинулись к малой школе.

— Точно, — щелкнул я пальцами, вспомнив. — Комендант с Булгуней в наш корпус пошли. А зачем он на Грисов кинулся?

— Сначала они квакали... — потупился Фиддал. — А потом...

— Квакали? — перебил я. — Зачем?

— Ну он же с болот. Болотник. С границы провинции Амаран, — пояснил Фиддал. — Вот его и обзывали лягушкой. И квакали.

— Дразнились, — пояснил Кольша.

— Дурачье, — сплюнул Юркхи.

— А потом, — сказал Бареан, — один из подхалимов встал сзади на корточки за спиной Булгуни. А Грис толкнул пальцем в живот. Вот он и упал...

— Это его, уroda рыжего, надо было в ту комнату сажать! — выкрикнул Кольша.

— Так! — подытожил я, легонько пристукнув по столешнице. — Пока все остальные здесь, надо пойти в школу и найти комнату наказаний!

— А я в трапезной побуду, послежу за комендантом, — быстро предложил Фиддал.

Я подумал немного и кивнул. Ребята повскакали с мест, а Бареан застыл над тарелкой.

— Ты чего? — спросил я.

— С тарелкой не выпустят, — пояснил приятель. — А как тогда полдник отнесем?

— У меня кусок хлеба с обеда остался, — похлопал себя за пазухой Юрка.

— О! Молодчина! — похвалил я. — Булгуне еда-то не особо нужна, главное — подбодрить парня!

Мы гурьбой двинулись в сторону выхода, и тут я увидел сидящего за отдельным столиком Либурха.

— Учитель Либурх! — Я преувеличенно жизнерадостно поприветствовал старика, незаметно отстав от приятелей.

— Ученик Олтер, — доброжелательно улыбнулся библиотекарь.

— Легкой трапезы! — поклонился я и прошептал: — А где искать комнату наказаний?

— Спасибо, спасибо! — махнул рукой старик и так же шепотом ответил: — Вход под центральной лестницей.

Бегом преодолев плац, мы оставили Кольку и Юрку на страже у входа, и вместе с Бареаном проскользнули внутрь школы. Стараясь не шуметь, на цыпочках прокрались к лестнице. Увы! Вниз уходил десяток ступеней, а перед дверью за маленьким столиком сидел один из помощников коменданта!

— Назад, — шепнул я приятелю, и мы на цыпочках выбрались из здания.

— Ну что там? Нашли? — загомонили ребята.

— Тихо! — Я поднял руку. — Вход стережет помощник. Делаем так: Юркхи и Кольша — вы начинаете драку. Я спрячусь за углом рядом со сторожем. Бареан, ты вбегаешь в школу и испуганно кричишь.

— Что кричу? — не понял Боря.

— Как что? «Помогите-помогите!», конечно. Охранник кинется разнимать драчунов, а вы уж постарайтесь его задержать. Я быстренько перекинусь с Булгуней парой слов, чтобы он нас не вешал.

— И хлеб передай, — протянул здоровенную горбушку Юркхи. Я схватил хлеб, на цыпочках прошел по коридору и юркнул в темный закуток.

— Помогите! Господин комендант! Господин комендант! Они дерутся! Помогите! — послышался взволнованный голос Бареана.

— Что случилось? — простучали тяжелые грубые сандалии помощника.

— Там! Там! — закричал Бареан. — Они дерутся!

Деревянные подошвы сандалий прогрохотали мимо. Перепрыгивая ступени, я кинулся вниз и толкнул массивную дверь, оббитую двумя полосами металла. Скрипнув, она неохотно открылась. Небольшой тесный коридорчик с еще одной дверью в конце. Поперек двери наброшен железный засов, а вместо замка вставлен обыкновенный штырь. Высоко! И сил не хватит, чтобы вытащить. Я лег на каменный пол и зашептал в узкую щель между дверью и порогом.

— Булгуя! Слышишь? Это я, Олтер!

— Слышу, — раздался рядом ответный шепот приятеля. — Ты откуда тут?

— Хлеба хочешь?

— Давай, — мигом согласился любитель покусать.

Я кое-как, разломив горбушку на три части, просунул ее в щель.

— Мне надо бежать. Парни там сторожа твоего отвлекают. Мы хотели сказать, что ты все правильно делал. Мы с тобой! До вечера!

— До вечера, Оли.

С трудом открыл тугую дверь — смешно бы получилось, если б я ее не осилил и оказался взаперти! Вместо одного сидельца стало бы двое. Я развеселился и проскользнул к выходу. Снаружи уже собралась изрядная толпа. Ого! Кольша и Юркхи стояли плечом к плечу, а напротив — трое местных. Все взлохмаченные, лица красные. Похоже, здесь приключилось незапланированное столкновение!

— Ты, — послышался резкий голос Стурра. Он указал на Юркхи. — Завтра сидишь в комнате наказаний. А ты, — он указал на Кольшу, — через день.

Парни шмыгнули носом.

— Да, господин комендант, — ответили они.

— Не слышу! — грозно нахмурился Хак Стурр.

— Да, господин комендант! — гаркнули приятели.

— Вот и ладно, — кивнул Хак. — А вот и учитель Либурх пожаловал. Все марш на занятия!

М-да, помогли приятелю, называется. Впрочем, Юрка с Колей расстроеными не выглядели. Проходя мимо, они улыбнулись.

— Получилось? — шепнул живчик Юрка.

Я кивнул. Либурх, заходя в дверь, глянул цепко и едва заметно приподнял бровь. Я скорчил ангельское личико, и библиотекарь хмыкнул. Со мной поравнялся Бареан.

— Что произошло?

— Не знаю. Выхожу, а наши уже сцепились.

— Значит, местные подоспели. Вот и влезли, дурни. Видел, одному успело по уху прилететь?

— Ага, — со злорадной ухмылкой сказал друг.

— Не зря, значит, сидеть в комнате без полдника будут, — вздохнул я.

— Только комендант наших наказывает, а своих нет, — процедил приятель. Я хлопнул его по плечу.

— Пускай! Не грусти, друг мой Бареан. Все мы верно сделали. И весело было! — Наконец-то на серьезном лице Бори я увидел озорную мальчишескую улыбку.

— Весело! — согласился он.

ГЛАВА 2

Первую половину дня с нами занимался Хак Стурр. Мы бежали, приседали, прыгали в длину и в высоту, лазали по канату и поднимали камни. Вновь отработывали метание дротиков — но теперь уже по правилам имперской воинской подготовки: с доворачиванием стопы, корпуса и плеч.

После занятий с комендантом неслись в трапезную — обедать. Разгоряченные, голодные первоклашки сметали со стола все, что приносили расторопные слуги. А вторую половину дня с нами проводил учитель Либурх, обучая чтению, письму и арифметике. Таков наш обычный школьный распорядок дня: гармоничное развитие ума и физической силы.

К моему глубокому удивлению, хоть сколько-нибудь читать и писать умели только двое из всего класса: я и Фиддал.

Остальные едва могли считать до десяти на пальцах. Родители недорослей не прилагали усилий для обучения отпрысков тому, чему и так научат в школе.

Старик озадачил Фиддала, положив перед ним кипу учебных листов, и двинулся ко мне.

— Учитель Либурх, а можно в уголке почитать? — Я достал из-за пазухи толстую тетрадь из дорогого пергамента. Библиотекарь тотчас узнал книжку. В первый же день, обнаружив тетрадь в тайнике, я ознакомил старика с находкой. Либурх вспомнил, как Эндир несколько лет подряд носился с книгой, корпя над тетрадью, обложившись картами и свитками.

Либурх почесал затылок и согласился.

— Хорошо, Олтер. Только вот возьми учебные пособия.

Старательно замаскировавшись, я положил пухлую книгу-тетрадь перед собой и в сотый раз прочитал надпись на обложке: «Как сберечь Дорчариан и победить Империю». С этой книгой я связывал все свои надежды и жаждал найти чудесный рецепт, как одним махом остановить неизбежное вторжение Империи. Я бережно погладил корешок, раскрыл книгу и углубился в чтение:

«В древности, сотни лет назад, в горах было великое множество мелких племен, и каждое было за себя. И села в долине враждовали, каждое село стояло за свое. Только священная крепость, что уберегла когда-то детей и жен от злобы лунолицых, примиряла их и была священной для всех. Раз в году все племена примирялись и приходили под священные стены на общий праздник, славя богов за избавление от лунолицых. Прознал об этом кто-то хитрый в далекой Арне и донес императору. Тот решил разрушить священный город. «Падет крепость — падут и горцы на колени, — решил он. — Подставят непокорную шею под рабскую удавку». Ударила Империя, и горы содрогнулись от этого удара. Империя шла по долине, и села горели одно за другим. И каждый сражался сам за себя. Тогда встал посреди гор доблестный дорча по имени Домарха и взял всех воинов, кто остались в живых, под свою руку. Прознал Домарха о подлости врагов, узнал, что презренные имперцы хотят разрушить священную крепость. И крикнул тогда Домарха клич во все горы: «Декурион в огне!» Отослал он жен и детей своих воинов к родовым горам, а некоторых отправил в

Декурион, чтобы ожесточились сердца их мужей и братьев. Чтобы встали они несокрушимой стеной на пути врага. Воевал Домарха хитростью — заманивал врагов в ущелья, скатывал на них камни. Нападал Домарха и бил врагов без роздыха и днем и ночью. Погиб каждый третий горец, и пало великое множество врагов, а Джура бежала с гор прочь, красная от крови. Тогда Домарха вышел к имперцам и сказал им: «Декурион в огне! Убейте последнего горца — он не покорится!» Он сказал им: «Декурион в огне! Перед вами встанут жены с железом в руках». Он сказал им: «Декурион в огне! Падет последняя жена — перед вами встанут дети с камнями. Декурион в огне!» Устрашились воины Империи грозных речей. Отступились они и сказали: пусть будут твоими села и дома в долине. Отдай нам обратно, как было встарь, при Старой Империи, Колодец и шахты, и разреши мирный проход до них! И согласился на это Домарха, и стал он первым князем долины и первым даном Дорчариан. С тех пор, как соберется враг войти в долину — неслется от горы к горе старинный клич: «Декурион в огне!» И тогда каждый горец отложит посох пастуха и соху землепашца и возьмет дедов меч со стены».

— «Декурион в огне!» — Я потер глаза и отодвинулся от книги, разгибаясь. Рукописный текст и тяжелый слог давались с трудом. Отсутствие привычки к чтению давало о себе знать. Чтобы понять смысл написанного, я водил пальцем по буквам и шевелил губами. Потом повторял предложение целиком. Голова разболелась, потемнело в глазах. Но ценность сведений оправдывала трудности.

Я перечитал еще раз интересные места: «Воевал Домарха хитростью — заманивал врагов в ущелья, скатывал на них камни. Нападал Домарха и бил врагов без роздыха и днем и ночью». По-видимому, первый дан Дорчариан громил супостатов, используя партизанскую тактику. При этом менял собственных воинов так, чтобы имперское войско постоянно находилось под беспокоящими ударами.

Я представил перед глазами Долинный тракт, села, огороженные поля и фруктовые сады. Не то! Партизанскую войну хорошо вести в самих горах, а не в густонаселенной долине. И где там камни скатывать на головы врагов? Не то, дедушка, не то! Нужно что-то другое! Я наугад перелистнул страницы.

Мысли и размышления Эндир — неупорядоченные, метущиеся, злые — проходили передо мной. Старинные легенды, исследования истории отношений Империи и Дорчариан, цены на оружие и земляное масло, какие-то договоры и документы — все это Эндир заносил в свою тетрадь. Книга Эндир по сути была ежедневником, куда он в разные годы записывал все, что хоть как-то могло помочь освободить Дорча.

«Империя подобна страшному зверю мартихоре — чудовищу с телом волосатого льва, в пасти которого три ряда острых как кинжалы зубов. На конце его длинного жесткого хвоста сочится яд, смазывая костяное лезвие. Мартихора копит в себе яд, и если не впрыснет его в кого-нибудь, то яд разъест ее изнутри. Поэтому чудовище всегда охотится. Оно убивает ядовитым хвостом всех, кого встретит. Мартихора пожирает свою добычу и становится еще больше и сильней. И яда в ней становится еще больше. Дорча должны отрубить мартихоре хвост, чтобы чудовище само сдохло от своего яда. Нужно успеть, пока Империя не обратила свой яд против нас».

Я распрямылся, нахмурился и невидящим взглядом посмотрел в окно. Дед умер вовсе не от метафоричного яда мифической мартихоры, а от настоящего яда неведомого отравителя. Каким образом этот сборник побасенок может помочь сбегать Дорчариан? Я вновь перелистнул страницы.

«Народы квельги, терскелы, алайны, дремны, дворча и дорча, гверхи и гворча отныне, добровольно и без принуждения одаривают Империю как доброго соседа, чем сами захотят, не позднее Дня долгого лета».

Я так углубился в чтение, что не заметил, как окончилось занятие. Только громкий голос Кольши оторвал от тетради. Я огляделся. Все местные, кроме Феде, уже умчались. Учитель Либурх собирал бумаги, а приятели ожидали меня. Я спрятал драгоценную книгу в тубус, повесил на шею, собрал в пачку листы и отнес библиотекарю.

— Спасибо, учитель Либурх, — сказал я.

— Занятие прошло с пользой? — Старик внимательно посмотрел, а затем скосил глаза на висящий тубус.

— С пользой, — кивнул я. — С большой пользой.

Мы двинулись к выходу, направляясь в трапезную. На выходе из здания ждал Булгуния. Мы подбежали к нему всей гурь-

бой, хлопая по спине и плечам, тормоша и засыпая глупыми вопросами.

— Ну как ты? — спросил я, когда веселье немного утихло.

Булгуня пожал плечами и осмотрелся кругом — нет ли посторонних рядом. Странное поведение приятеля удивило, и мы смолкли, окружив толстяка.

— Там кто-то был, — понизив голос до шепота, произнес Булгуня. — Как только заперли дверь, кто-то посмотрел из-за стены.

Мы переглянулись, потрясенные.

— Смотрели-смотрели, а затем вдруг перестали, — хихикнул Юркхи.

Только смех у степняка вышел натужным — а как же, ему-то следующим идти в подвал!

— Ага, — не приняв шутки, кивнул Булгуня. — А потом взгляд исчез.

Ребята, негромко переговариваясь, пошли по плацу в сторону трапезной. Бареан остался стоять, словно примерзнув к брусчатке. Глаза округлились, зрачки расширились, а взгляд остекленел, не замечая ничего вокруг. Что случилось-то? Подобной впечатлительности за своим серьезным товарищем я раньше не замечал. Парень что-то шептал, словно молитву.

— Укрой меня, Безносый, — слышалось мне.

Что еще за Безносый?

— Бареан, — осторожно позвал я приятеля.

— А-а-а?.. — протянул Боря.

— Что случилось, друг?

— А-а? — Взгляд Бареана приобрел осмысленность, он встряхнулся, окончательно избавляясь от прилипчивого навяздения, и быстро ответил: — Нет, нет, ничего.

А затем торопливым шагом направился вслед за приятелями. Все-таки он очень странный мальчик.

— В чем отличие цивилизованного человека от дикаря? — вальяжно развалившись на тюфяке, я величаво провел перед собой расслабленной кистью руки.

Зрители — Осташ, Барат, Йолташ, Пелеп и Кайхур — внимательно смотрели представление в «театре одного актера». Учебный день кончился, мы с домочадцами ужинали в тесном кругу. Твердые, до конца не разваренные бобы не лезли в гор-

ло, и я налегал на хлеб. Я красочно поведал домочадцам о соревнованиях по метанию в мишень на плацу. А затем наставник поинтересовался, как прошел первый урок наместника. Я решил похулиганить и устроил вечернее выступление в «домашнем театре». Сейчас я изо всех сил надувал щеки, пытаюсь хоть как-то походить на жирного Сивена Гриса.

Оборвав величавый жест, я поморщился и картинно прижал руку ко лбу. Затем потянулся, схватил воображаемый кубок и жадно приложился. Барат не выдержал и прыснул от смеха. Толкнув Йолташа в бок, громко прошептал:

— Наместник-то надрался намедни! Вот башкой и мается!

Дядька Остах показал ученику кулак, а Кайхур, поддерживая наставника, строго твякнул.

— Запомните, мои юные ученики! — вещал я. — Цивилизованного человека от дикаря отличает одежда! — Я воздел перед собой палец и удивленно на него уставился.

— Посмотрите на меня, — и я обвел себя изящным взмахом ладони. — Сколько людей трудилось, чтобы соткать эту чудесную, невесомую ткань! Сколько умелых мастеров прикладывали все свои умения, чтобы пошить из этой ткани великолепную тунику! А какие ловкие мастерицы корпели над тонкой вышивкой! Сколько богатства и красоты в сиянии золотых нитей!

— И! — Я вновь поднял палец перед собой, но икнул и опять приложился к невидимому кубку. Теперь не выдержал уже Пелеп и захихикал, но получил подзатыльник от наставника и примолк.

— А теперь посмотрите на него. — Я небрежно махнул рукой в сторону, словно отгоняя наглую муху. — В чем тут искусство — сшить из целого куска кожи эту безрукавку? Или сапоги? А какие бесформенные ужасные шаровары! Вы видели где-нибудь когда-нибудь, чтобы достойный муж носил штаны? — Отставив в сторону кубок, я подался вперед всем телом и требовательно посмотрел на зрителей, грозно сопя.

Те оторопели от моего напора. Я тем временем вскочил с импровизированного ложа, отбежал в сторону и поклонился в сторону отсутствующего наместника. Теперь я изображал самого себя.

— Что же поделывать, сиятельнейший, если у нас в горах без штанов нельзя? Без штанов бубенчики на морозе мигом в ледышки превратятся! — нарочито сделав свой голос писклявым, чуть не плача пропищал я.

Теперь смеялись уже все. Дядька Остах вытирал слезы, а Кайхур и вовсе завыл от восторга, задрал голову. За стеной слышался ответный вой Хинды.

Перед самым сном, когда я уже лежал в кровати, ко мне подошел Остах и спросил:

— Как наместник принял шутку? Не осерчал?

Я пожал плечами.

— Посмеялся немного. Шутка ему понравилась, — улыбнулся я. — А вот на выходе меня Элса поймала. Вот она-то была далека от веселья.

— Да? — встревожился наставник. — И чего она от тебя хотела?

— А она не от меня хотела, а от тебя, — хитро я улыбнулся дядьке.

— О как?! — удивился он. — От меня?

— Она интересовалась торговыми делами с Вликом, начальником госпиталя, и Алвином, колесником.

— Вот проныра! Клешню омара ей в... А ты что?

— А я что? — хмыкнул я. — Ответил, что я теперь имперский гость. Сказал, что наставник выправил важную бумагу, и я теперь могу спокойно торговать разными товарами. Так что жди приглашения от Элсы, дядька.

— Отбрешусь, — махнул рукой Остах. — Главное, чтобы к тебе больше не приставала.

— Ага-а-а, — зевая, протянул я и перевернулся на бок, устравив ладонь под щеку.

— А твой комендант, Хак Стурр, хитрый жук. И толковый учитель... — задумчиво сказал дядька, присаживаясь на кровать и стягивая безрукавку.

— Чего это вдруг? — удивился я.

— Вот видишь, и ты не понял. Он неспроста в первый же день между вами соревнования затеял. Сразу и увидел, кто из вас кто. Кто вожак, а кто ведомый. Кто посообразительней, кто каким оружием владеет, кто гордый, кто хитрый, кто задира, кто молчун.

— Все равно он гад, — сонно протянул я. — Булгуню ни за что ни про что наказал...

— Ты уже почти спишь, парень... Храни тебя Отец Глубин. Легких снов, Оли.

— Мм... — сказал я и вспомнил, что упустил в своих рассказах. Аж подскочил на кровати. — Булгуня! Булгуню посадили в наказание в подвал! Там у них комната наказаний. Так он из-за стены чей-то взгляд видел, представляешь? — спросил я.

— В подвале? — переспросил дядька. Он почесал макушку, словно что-то вспоминая. Новость не показалась ему забавной, и дядька о чем-то крепко задумался. А может, мне это уже приснилось? Уснул я мгновенно, едва только лег обратно и прикрыл глаза.

Встал засветло вместе с домочадцами и до построения успел потренироваться. Слово дал — держись! Время поединка с Милиаром неумолимо приближалось, поэтому Фиддал продолжал приходить по утрам. Это и немудрено — Кайхур с Хиндой по-прежнему звонко лаяли, приветствуя друг друга. Эдак они и Бареана будут будить — ведь он стал последним жильцом в уютном здании на трех хозяев. А наши друзья — оставшиеся почетные ученики — заняли ближайший к нам гостевой дом. Так что стоит открыть неприметную дверцу на заднем дворе, пересечь живую изгородь — и окажешься в гостях у приятелей. Удобно!

А вот к нам посетители на утренние тренировки-схватки теперь не приходили. У Либурха забот заметно прибавилось и времени на утренние посиделки не оставалось. Тумма забежал недавно, рассказал тайком все, что вспомнил о дваждырожденных, и больше не появлялся.

Но мы не скучали — Остх гонял братьев, мы с Федей разминались вместе с Пелепом. Отрабатывали подножки и подсечки, броски через бедро — все, что я смог вспомнить. Многое всплыло после того, как Либурх принес пожелтевший пергамент с корявыми рисунками. На них схематически изображались человечки, выполняющие приемы борьбы.

После тренировки мы плюхнулись в фонтан, наскоро растерлись, а затем наперегонки понеслись с Фиддалом на плац перед корпусом. Невозмутимый комендант поглядывал на помощников, которые крутились около солнечного гномона и от-

бывали колоколом время. Вначале били три удара, потом два, а перед самым построением раздавался резкий, как точка в конце предложения, удар колокола. Те, кто приходил после него, считались опоздавшими и лишались завтрака. Из нас, «почетных учеников», не опаздывал никто. А вот многие местные построение и завтрак пропускали. Такое положение вещей коменданта, мягко говоря, не устраивало. Но его власти за пределами школы недоставало, чтобы прижучить сынков влиятельных родителей. А вот для нас с Фиддалом опоздание смерти подобно. После утренней отработки борцовских приемов мы были голодны настолько, что за завтрак могли и прибить. Прибить и съесть.

— Понимаешь, — шепнул Федя, — отец велел каждый выходной домой возвращаться. А то мама недовольна будет. Ты же сам слышал, если комендант разрешение не подпишет — то из ворот имения без этой бумаги не выпустят! А если я хоть раз опоздаю или попадусь еще на чем-нибудь — то он бумагу ни в жизнь не подпишет. Вот я вчера с вами к Булгуне в подвал и не пошел. Я не трус, понимаешь?

— Понимаю, — ответил я. — У нас в горах так говорят: веревка крепка повивкой, а человек — родными. Семья — это очень важно. Я понимаю, Федя.

— Вот, — повеселел Фиддал. И спросил: — Сегодня же очередь Юрки в комнате наказаний сидеть? К нему тоже пойдете?

— Вряд ли, — покачал головой я. — Это Булгуню ни за что посадили...

К нам подбежали приятели. Колокол пробил два раза.

— Привет! — крикнул я. — Юркхи, тут Федя спрашивает: к тебе пробиваться в комнату наказаний?

— Нет, — белозубо оскалился степняк. — Я за обедом горбушку спрячу, чтоб голодным не сидеть. А глазастой стены я не боюсь! Сын хана Йурая ничего не боится. — И он горделиво осанился.

После дядькиных тренировок с учебными ножами, после утренней борцовской подготовки проводимые комендантом занятия казались откровенно скучными. Бег, бег и еще раз бег. Бег кругом по плацу, бег с поднятыми руками, бег приставным шагом, бег в полуприседе... Потом метание камней и дротииков, прыжки. Впрочем, мальчишеская энергия была ключом, и я

был рад отвлечься от тревожных прилипчивых мыслей о грядущей войне.

На уроках Либурха вновь пришел черед книги Эндир. Ученики уселись за широкий стол перед низенькой кафедрой-постаментом Либурха. А я расположился в своем укромном уголке у окна.

«Книга эта есть плод моих многолетних мыслей и придумок, направленных только на одно — как избавиться от губительной опеки Империи. Давняя история Оловянного острова расскажет каждому, кто имеет глаза и уши и готов увидеть и услышать, что Империя есть лев, убивающий и пожирающий любого, кого он сочтет добычей».

«Нелогично, дедушка, — хмыкнул я. — Только что Империя была мифической мартихорой, а теперь она просто лев. И что за Оловянный остров?» — подумал я.

И вновь наугад перелистнул страницы. Меня немного интриговала такая форма чтения. Как будто гаданием занимался.

«Хродвиг Упрямый силен и крепок в своей ненависти к Империи. При нем законы гор не уступят арнскому престолу. Но он не верит в силу тайных слов и во власть шепота. Он горяч и ослеплен жаждой скинуть Империю немедленно и не умеет ждать. Векс переждет, пересидит и перехитрит его. Хродвиг готов ударить и неизбежно проиграет. Не дать этому свершиться! Отца нужно остановить!»

Прочитав эти строки, я крепко задумался. Сколько лет было Эндире, когда он их писал? Насколько я понял, Хродвиг обладал крутым нравом, недаром его прозвали Упрямым. Как имперский заложник Эндир собирался остановить отца, находясь в почетном плену у Империи?..

Я вновь вынырнул из омута размышлений, лишь когда вокруг загомонили друзья. Рассеянно убрал тетрадь в тубус, собрал листки заданий и отнес Либурху. Тот потянулся, чтобы потрепать меня по голове, но сдержался и выпрямился.

— Это занятие было полезным для тебя, ученик? — нейтральным тоном спросил Либурх.

— Я очень благодарен тебе, учитель, — искренне ответил я. Теперь уж старик не сдержался и взлохматил мне волосы. Не беда — местные уже умчались из класса.

На выходе нас ждал Юрка.

— О! Наш герой! — приветствовал я освобожденного. — И как тебе темные подземелья гадких имперцев?

— И вовсе они не темные, — дернул плечом Юрки. — Там окошко мутное под потолком. Душно только. Дышать нечем.

— А стена-то с глазами? Видал ее? — спросил Кольша. Он храбрился немного — его-то очередь следующая, — но меня обмануть не мог. Парень не трусил отчаянно — но побаивался.

— Никого там нет, — медленно ответил Юрка. — Там паук в углу сидит под потолком. Это он и пялится!

«Странно. Значит, и Юрка почувствовал взгляд. Только решил, упрямец, что во всем виноват паук. Что же, может, и прав наш сын степей».

Я покосился на Бареана. Тот выглядел преувеличенно веселым, шутил невпопад, подтрунивал над Булгуней. Вот только в глазах приятеля виднелись тоска и обреченность. Да что происходит-то? И ведь не ответит — гордый!

Вечером, вернувшись домой, я наблюдал за тем, как братья-охранники едва не валятся с ног. Остах ходил куда-то по своим делам, а затем гонял учеников весь день. Пока наставник отсутствовал, братья учили имперский. В этом им помогал Пелеп. Потом Барат и Йолташ махали тяжеленными деревянными мечами, а затем с учебным ножом должны были выстоять против учителя. Дело это гиблое, заранее обреченное на провал.

Пелепу домочадцы тоже нашли применение. Мало того что пацан делился знанием языка с братьями — его еще и заставили готовить. Он ведь следил за несколькими очагами, когда на Алвина работал, в том числе и за кухонными. Что-то и подсматрел. К тому же и дядька ему немного подсказал. Вот только без затрещин Остах мог и обойтись. Чем ему Пелеп не угодил? Подумаешь, каша подгорела. И пересолена малость... А вчера бобы несъедобными были... М-да-а... А может, повара нанять?

В общем, когда я вернулся домой, обрадовался один только Кайхур. Он прыгал, лизался и махал коротким хвостиком. Я взял песика на руки и закружился по комнатушке. Барат, Йолташ и Пелеп мирно сопели по углам.

Наигравшись со щенком, я наполнил собачью миску солевой кашей и присел у стола. Отломил большой кусок хлеба и

придвинул блюдо с брынзой и оливками. Есть стряпню Пелепа было выше моих сил.

— Наставник! — обратился к Остаху. — Я на занятиях Либурха читаю тетрадь дедушки Эндирара...

— И? — коротко и мрачно спросил Остах. О своей находке под потолком библиотеки я уже рассказывал раньше. Дядька полдня пропадал по своим темным делам в городе и был не в духе.

— Послушай. — Я открыл тетрадь. — «Век переждет и перехитрит его. Хродвиг готов ударить и неизбежно проиграет. Не дать этому свершиться! Отца нужно остановить!» — прочитал я вслух.

— Отнять бы у тебя эту книжицу, — глухо пробурчал Остах. — Жаль, ты по праву победителя ее взял... Сам нашел.

— Дедушка Эндирар ее нарочно для меня оставил! — Я прижал тетрадь к груди. — В тайнике!

Остах пробубнил что-то, дернул плечом и вздохнул.

— Оставил бы ты тайны там, где им и положено быть, — во вчерашнем дне. Но ладно, слушай. Хродвиг решил поднять восстание против Империи, но воинов не хватало. Выше Паграбы жили воинственные алайны. Они день и ночь сражались с дикими северянами. И скайды, родичи северян, тоже поджимали. — Дядька тяжело вздохнул и продолжил: — А когда скайдам с северянами удавалось договориться — то и разом нападали. Понимаешь?

— Ага, — кивнул я. — Несладко алайнам приходилось.

— Вот. Так получилось, что в очередной раз скайды с северянами навалились на алайнов сообща. Тут и Хродвиг подоспел, усекаешь?

— Ага, — вновь кивнул я.

— Вот тебе и ага, — передразнил меня Остах. — Ничего ты не понял. Хродвиг так встал войском, что показал алайнам: могу и помочь, а могу и ударить.

— Хитро, — оценил я.

— Хитро! — крикнул наставник. Барат и Йолташ возмущенно всхрипнули. — Да он Столах за яйца взял: либо под меня иди, либо я тебе в спину ударю!

— А Столах — это кто? — спросил я.

— Это вождь алайнов, — посмурнел Остак. — А на переговоры к нему Хродвиг отправил своего сына, Гимтара.

— Диду! — обрадовался я.

Наставник только тяжело вздохнул.

— Да, Гимтара. Вот только он, как увидел дочь Столаха, воительницу Столхед, остолбенел. И пожелал взять ее в жены. Столах, не будь дурак, согласился. Объединившись, войска алайнов и дорча разогнали всех врагов и заключили договор.

Дядька вздохнул, откупорил бочонок пива и налил себе пенящейся жидкости в глубокую кособокую глиняную плошку.

— В договоре значилось, что после свадьбы наследника дана Дорчариан с дочерью вождя родовые земли алайнов станут Дорчариан. Хродвиг думал после этого усилить свое войско свирепыми и умелыми алайнами и прогнать имперцев из гор.

— Что дальше? — заинтересованно спросил я.

— Что дальше? — переспросил Остак. — А то, что истинный наследник Дорчариан находился в Империи. А Векс Кней прекрасно знал о планах Хродвига. Если бы упрямый дан восстал, то наместник, прикрываясь именем Эндир как истинного наследника, покорил бы долину и сделал ее частью Империи. Хитроумный Векс подговорил и вооружил гворча, чтобы они ударили Хродвигу в спину.

— Почему же у Векса Кнея не получилось? — спросил я.

— А ты внимательно почитай тетрадь! — неожиданно озлобился Остак. — Что еще там Эндир понаписал? Всю прочитай, от корки до корки!

Наставник потер лицо ладонями. Он еле удерживался от того, чтобы силой не отобрать тетрадь. Я свернул книжицу и спрятал в тубус. Дядька яростно поскреб щетину под подбородком и продолжил:

— Он обыграл Векса. Твой дед сам взял Столхед в жены. Хродвиг добровольно отрекся от власти, передав ее сыну. Законник обыграл Империю по ее законам. Войны не случилось.

«Войны не случилось», — повторил я про себя. По-моему, сейчас я услышал главное: войны не случилось. Правильными словами, знаниями и решительностью дед сумел предотвратить кровопролитие и сберечь тысячи жизней. Как бы проверить этот фокус еще раз? Нужно устроить так, чтобы Империи

стало невыгодно нападать на Дорчариан... А для этого необходимо понять, чего хочет Торговый союз, а что — Лига меча. Может, попытаться как-то рассорить их?..

Первая половина следующего дня прошла по распорядку. Физподготовка, будь она неладна! А вот перед обедом случилось кое-что новенькое. Вываливаясь из корпуса малой школы, кто-то задел меня плечом. Да как задел! От сильнейшего толчка я отлетел и рухнул на пол, едва успев сгруппироваться. Вокруг раздался дежурный ржач, я потер ушибленное плечо и встал. Надо мной возвышался Милиар Хмутр. Нарочно скинул меня на пол, гад! Саданул изо всех сил, подлец!

— Ой, извини, — насквозь фальшиво протянул Милиар. Дрянной из него актер, — а я тебя и не заметил.

Вокруг опять грохнули хохотом. Милиар стоял рядом, с паскудной улыбочкой смотрел на меня и потирал браслет с дубовыми листьями на запястье. Вот урод! Мой браслет! Мой украденный из госпиталя браслет! Я сжал кулаки и примерился, как ловчее двинуть стопой в колено и приложить по уху справа...

— Что случилось? — раздался строгий голос коменданта.

Казалось, Стурр возник из ниоткуда.

— Да он сам упал!

— Сам, сам грохнулся! — раздалось из толпы.

Комендант обернулся, и крики тотчас же прекратились. Он посмотрел на меня.

— Все верно, — сказал я, отряхивая штаны на коленях. — Сам упал. Споткнулся.

— Когда ты уже сменишь свои дикарские шаровары на подобающую одежду? — процедил Хак. — За нарушение порядка завтра лишаешься полдника и сидишь в комнате наказаний. Это ясно?

— Так точно! — громко отрапортовал я. Понятно, что спорить нет никакого смысла.

Милиар поднял руку, сжатую в кулак, и показал мне. Он издевательски покрутил передо мной серебряным браслетом, плотно облегающим широкое запястье.

— А это что? — вдруг сказал Хак. — Давай-ка сюда свою биурюльку, — требовательно протянул руку Стурр. — Верну твоему отцу лично. По первому слову тысячника.

Я скорчил рожу за спиной Стурра. Я-то знал, что Фракс Хмутр сейчас в долине и никто толком не знает, когда он вернется. Надеюсь, отец с Гимтаром насыпят ему соли под хвост. Чтобы поход в горы не показался увеселительной прогулкой.

Милиар не посмел перечить коменданту, верный воинской дисциплине. Необходимость подчинения приказу сын тысячника затвердил, едва начав говорить. Насупившись, он стянул браслет и отдал коменданту. В начале учебного года, при первом построении, нам строго-настрого запретили проносить внутрь школы оружие, украшения и домашних питомцев. Жаловаться некому — сам виноват.

На занятиях Либуриха я вновь читал тетрадь Эндира. Сегодня попались донельзя утомительные перечисления законов и договоров, которые должен достать Клай. Интересно, кто это такой?

Стычка с Милиаром и вечерняя встреча с Кольшей оказались самыми яркими событиями дня.

— Ну что, как там глазастая стена? — весело спросил я у Кольши. Тот задумался и пожал плечами.

— Там и вправду паук сидит, только это не он смотрит. Паук там все время, а взгляд побыл немного в самом начале — а потом исчез!

Булгуния вновь кивнул, а Юрка топнул ногой.

— Да паук на тебя посмотрел-посмотрел, а потом перестал. Ты для него большой слишком! Неинтересно ему на тебя долго смотреть!

— Ладно. Чего спорить, пойдем ужинать, — сказал я. — Завтра сам пойду и посмотрю, что там за пауки со стенами.

Барен вновь выглядел сам не свой. Может, он просто под земелей боится?

ГЛАВА 3

Тяжелая массивная дверь с противным скрипом закрылась. Лязгнул засов, проскрежетал вставляемый в паз штырь. Я огляделся. Темная комнатуха. Каменный пол, стены, невысокий потолок. Напротив двери под потолком мутное окно, забранное маленькими кусками толстого стекла. Свет сквозь препятствие пробивается едва-едва и падает на узкое каменное

сиденье, выступающее из стены. От двери до окна три шага. Столько же от стены до стены.

Я присел на сиденье. Жестко. Пожалуй, зимой здесь будет холодно. Я оглядел стену, о которой столько судачили. Вон и паук в темном углу. Только он неживой, давно уже высох. И как ребята этого не углядели? Некого ему здесь ловить и есть нечего.

Ощущение чужого пристального взгляда появилось внезапно, будто кто-то отдернул плотную штору. Я внимательно посмотрел на стену, выискивая в ней неправильность, особенность, но ничего не увидел. Большие грубые блоки из ноздреватого камня. Штыки замазаны серым раствором, кое-где облупившимся. Хотя такие булдыганы и без всякого раствора, под своим весом будут держаться. В нижнем углу виднелось малюсенькое отверстие, похожее на мышиную норку.

Взгляд пропал так же внезапно, как появился. Мне показалось, что я услышал голос. Одна короткая фраза, произнесенная шепотом, и тихий-тихий звук удаляющихся шагов. Вот у меня воображение разыгралось, надо же! Я хмыкнул, покачал головой и достал из-за пазухи тубус, висящий на шее. Тоже мне, гауптвахта называется! Я и яблоко с собой прихватил, и книгу. Зашелестев страницами, поерзал на неудобном сиденье и уставился в тетрадь. А здесь и правда дышать нечем!

Не успел толком втянуться в чтение, как послышался стук первой двери и топот деревянных сандалий сторожа. Торопливо свернув тетрадь, убрал ее в тубус. Вскочил, подбежал к «глазастой» стене и засунул огрызок яблока в мышиную нору, затолкав носком ноги поглубже. Лязгнув засов, дверь открылась.

— Соскучился? — добродушно прогудел помощник коменданта, здоровенный увалень.

— Тут у вас задохнуться можно, — проворчал я, выходя. — Сделали бы уже что-нибудь с этим!

Здоровяк только хмыкнул мне вслед.

— Ерунда это! — махнул я в ответ на вопросы приятелей. — Там за стенкой еще одно помещение у коменданта. Вот кто-то из его помощников и ошивается, чтоб на нас жути нагнать.

Ребята замолчали, потрясенные коварством коменданта и простотой решения загадки.

— Пойдем по домам, ужинать. Я такой голодный, что готов съесть быка.

— Ерунда это, — повторил я вскоре, пересказывая домочадцам свои приключения в комнате наказаний. Я и впрямь настолько оголодал, что даже смог проглотитьстряпню Пелепа. — Там за стенкой еще одна комнатка у коменданта. Вот он и изгаляется.

Дядька странно на меня посмотрел. Он вновь ходил в город и вернулся, как обычно, раздосадованным. Наставник встал, откинул крышку ларя. Достал светильники, запечатанный кувшин, пару факелов, заплечный мешок.

— Барат, Йолташ! Собирайтесь, пока не стемнело!

Кайхур вопросительно гавкнул.

— Ты остаешься, дом стеречь, — строго ответил щенку наставник. — И за оборванцем присмотришь, чтоб сыр из кладовки не жрал. — Пелеп обиженно поджал губы и промолчал. Ему уже досталось от дядьки за скверный ужин.

— Пойдем, Оли. Я должен кое-что показать. Вдруг со мной что случится, ты и знать не будешь... — пробурчал дядька.

— Типун тебе на язык, наставник. — Я вскочил и вышел вслед за дядькой. — Что там происходит в городе, что ты помирать собрался?

Дядька резко остановился, и я уткнулся ему в спину. Он обернулся и сунул мне в руки пару факелов.

— Язык у тебя без костей, — буркнул он.

Я заторопился следом, заинтригованный. Что такого хочет показать дядька Остах, если для этого ему нужны факелы?

— Шуруйте вперед, — велел братьям Остах, вручая заплечный мешок с собранным добром.

— А куда идти, учитель? — спросил Йолташ.

— К библиотечному крыльцу топайте, — ответил дядька и повернулся ко мне. — И по сторонам посматривайте, чтобы нас не увидели ненароком... Дай слово, Оли, что без меня в город не сунешься.

— Ты о чем, наставник?

— Скоро поймешь, — дернул щекой дядька. И требовательно повторил: — Дай мне слово.

— Клянусь, что не сунусь без тебя в город, — повторил я.